

Николай
ЛЕОНОВ

Алексей
МАКЕЕВ

СВИДЕТЕЛЬ
НЕ УВИДЕВШИЙ СВЕТ

Москва
2015

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л47

Оформление серии художника *В. Щербакова*

Иллюстрация на суперобложке художника *В. Петелина*

Серия основана в 1993 году

Леонов, Николай Иванович.

Л47 Свидетель, не увидевший свет / Николай Леонов, Алексей Макеев. — Москва : Издательство «Э», 2015. — 384 с. — (Черная кошка).

ISBN 978-5-699-84691-7

В столичном пруду найдено тело девушки. Она была задушена, а затем брошена в воду. Другую утопленницу со сломанной шеей нашли на пляже в Строгино. У следствия не было сомнений, что оба убийства — дело рук одного человека. Знаменитые сыщики МУРа Гуров и Крячко приступили к розыску преступника. Первое, что они сделали, — это тщательно изучили подробности личной жизни утопленниц, и тотчас всплыл один любопытный факт. Оказывается, незадолго до гибели обе девушки лежали в одной и той же палате частной клиники, причем одна из них была беременна. Сыщики поняли, что следы преступника надо искать рядом с отцом неродившегося младенца...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-84691-7

© Леонова О.М., 2015
© Макеев А., 2015
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2015

Заброшенный карьер

РОМАН

Глава 1

Ей снился долгий и утомительный путь. Она не видела дороги под ногами, не видела в этом сне каких-то препятствий на своем пути. Просто знала, что путь ее был долг и очень утомителен. Утомителен в своем однообразии, в своей серой тоске. И это была не физическая усталость, это была безысходность человека, которому некуда идти. Шла-шла, и вдруг пустыня, в которой нет даже эха.

Нет, она не металась, не кричала, не рвала в стенаниях волосы и одежду. Она просто брела и брела. Ей встречались люди, но все какие-то серые и... плоские, не имеющие объема. Они были больше похожи на фанерные щиты с наклеенными на них фотографиями, какие она видела когда-то в Москве в период перестройки. Щиты с фотографиями политических деятелей в полный рост, и ты фотографируешься с ними. Тогда она была 18-летней девчонкой и поступала в Москве в институт.

Это было самое яркое впечатление, а потом потянулись долгие и безрадостные дороги. Нет, в жизни, конечно, все было не совсем так, в жизни и потом были яркие моменты, но во сне все утрировано, во сне видится самая суть. И суть заключалась в том, что она шагала по камням, перепрыгивала с валуна на валун, и вдруг оступилась. Не испугалась, нет. Ей не грозила опасность, все было вполне обычно. Но вдруг ее рука оперлась на ЕГО руку. Она резко вскинула голову и увидела его лицо. Лицо сильного, уверенного, зрелого муж-

чины. Рука была сильной, на нее было удобно опираться, она была надежна. И он сказал слова! Она хорошо их слышала.

— Осторожно! Вы не ушиблись, сударыня? — произнес мужчина.

И она проснулась — с ощущением своей руки в его теплой твердой руке. Только этого не хватало! Ей уже мерещатся ощущения мужских рук. А ведь она увидела его глаза! Как он смотрел на нее, и его взгляд проникал в самую душу, разбередил там все, звал с собой.

«Сударыня»... Как он это сказал! Не с иронией, но и не серьезно. Это прозвучало как приглашение в мир фантазии, как иллюстрация истинной интеллигентности ее героя, ее мечты...

На Северном Урале Гуров был последний раз лет двадцать назад. Да, тогда они, помнится, прилетали в Пермь, а потом местным самолетом летели на север, где-то на берегах Печоры надо было взять опасного преступника. Далеко он забрался от Москвы, но брать его поехали оперативники МУРа, потому что на карту было поставлено тогда многое, а главное, репутация ведомства — ведь они едва не упустили его. Да, было...

Сейчас Гуров вылетал из Северопечорска после проведения плановой проверки. Такова работа полковника из Главного управления уголовного розыска МВД России: оказание методической помощи, проверки, участие, а то и руководство самыми сложными и важными оперативно-розыскными мероприятиями. Разнообразна как по форме, так и по географии.

Да, Орлов выглядел не очень солидно, когда просил Гурова вылететь сюда. Тот сотрудник, у кого в плане стояла эта проверка, слег в больницу, все по уши в своих делах; Крячко должен бы выйти на службу через два дня, а Гуров только после отпуска. Свеж и бодр. Ему было очень неприятно смотреть, как Орлов начал его уговаривать, и он согласился сразу, пожалев старого друга и начальника. В конце концов,

за это он и получает зарплату. И ничего заумного — рядовая проверка работы подразделения уголовного розыска местного ГУВД. Ведение оперативных дел различных категорий, правильное расходование оперативных средств, соблюдение сроков, соблюдение планов переподготовки личного состава.

Ну, вот и позади дни привычной рутинной работы. Только вот не назовешь ее никак серой, думал Гуров, глядя в окно старенького «Ан-2», то и дело нырявшего в воздушные ямы. Как не назовешь серой природу внизу. Двадцать лет назад он прилетал сюда в начале лета, в период белых ночей. Сейчас белые ночи закончились, все чаще дни бывали холодными, хотя только начало августа. Поросшие хвойником горы зеленели, под крылом самолета тянулись бурые болота, стадо оленей метнулось в сторону, разбрызгивая копытами грязную жижу, под деревьями, кажется, медведь драл когтями кору дерева.

Медведя Гуров увидеть, конечно, не мог, это его фантазия. Самолет шел на высоте тысячи двухсот метров над горами, и только тусклое солнце отражалось в водных пропеллинах на болотах. Стоп, какие тысяча двести, дошло вдруг до Гурова. Он с изумлением снова посмотрел в иллюминатор. Самолет явно снижался, машину в воздухе заметно потряхивало и бросало из стороны в сторону.

— Фронт нас с северо-запада догоняет, — пояснил бородатый мужчина, сидевший на соседнем кресле. — Из Заполярья прорвался холодный воздух, и теперь нас может унести за хребет.

— Он что, садится будет? — забеспокоился Гуров.

— Почему? — добродушно удивился мужчина. — Совсем не обязательно. Просто он спустился в самый нижний эшелон. Здесь меньше турбулентность.

— Вы, я вижу, специалист? Летчик? Или синоптик?

— Геолог, — рассмеялся мужчина. — Летать часто приходится, вот и стал сведущим. А вы? Вроде бы не местный. Из Перми или из столицы?

— Из Москвы, — кивнул Гуров, и тут самолет так тряхнуло, что сыщик чуть не прикусил язык.

Все десять пассажиров маленького самолета замолчали, прислушиваясь к звукам и тряске, но ни страха и ни паники Лев не заметил. Значит, ничего страшного, значит, все как обычно. Но теперь появилась какая-то вибрация с правой стороны. Как раз с той, где он сидел.

— Не развалился бы этот старичок! — натянуто улыбнулся Гуров соседу и кивнул на потолок.

— Да бросьте вы, — беспечно усмехнулся геолог. — Это самый надежный самолет из тех, что у нас когда-то делали. Он очень устойчивый, крепкий, может планировать, если у него откажет мотор. Знаете, как говорят летчики про «Ан-2»? Он может летать всюду, где есть небо.

И тут открылась дверь кабины пилотов, и на пороге, небрежно облокотившись плечом, замер невысокий худощавый парень в летной кожаной куртке.

— Так, без паники! — объявил пилот, широко улыбаясь. — Мы заходим на посадку в Суктыл. Ничего опасного, все под контролем. Просто погода настолько ухудшилась, что нашей «птичке» стало тяжело лететь. Подождем благоприятного прогноза и доставим вас в Пермь.

— А сколько ждать? — тут же стали наперебой спрашивать с передних сидений.

— К концу дня ветер может утихнуть. Главное, чтобы прошли тучи со снеговыми зарядами. Думаю, они пройдут севернее, но если повернут на юг, нам лучше переждать. А теперь все пристегнулись!

Гуров не боялся летать на самолетах. Уж он-то хорошо знал статистику, по которой самым опасным видом транспорта является автомобиль. В ДТП гибнет несравненно больше людей, чем в авиационных катастрофах. Настолько больше, что и сравнивать не стоит. Другое дело, что каждая авиационная авария очень шумно обсуждается во всех краях. Ну, упадет где-то самолет раз в год, погибнут двести или триста пассажиров. Но ведь это в год. А в любой стране такое количество погибает в ДТП только за неделю. Но се-

годняшняя посадка очень легко показала, что своя рубашка ближе к телу, что вся статистика улетучивается из головы, как только ты сам оказываешься в аварийном самолете, совершающем посадку в условиях ухудшающейся на глазах погоды.

Пассажиры торопливо шли к зданию аэровокзала — небольшому каменному одноэтажному зданию. Гуров еще раз оглянулся на несчастный «Ан-2» с развевающимся между двумя правыми плоскостями тросом расчалки. Ремонт, может, и простой, но кто его тут будет делать? И сколько на это уйдет времени, учитывая вот это небо? Небо было серое, низкое, а по северному горизонту напозлали друг на друга сине-черные тяжелые снеговые тучи. Что там сейчас творится, в трехстах километрах отсюда, и представить страшно. Гуров поднял воротник своей синей городской куртки, которая так выделялась среди практичной и простой одежды местных, и поспешил догонять других пассажиров.

— Здравия желаю! — Высокий подтянутый подполковник Житников вышел из-за стола и протянул Гурову руку. — Как это вас к нам занесло? Не иначе, непогодой.

Гуров с интересом взглянул на абсолютно белую шевелюру еще достаточно молодого подполковника, начальника местного районного УВД.

— Тут не только погода, — вздохнул он. — Нас, как я понял, еще и снесло в сторону от курса, а потом у самолета случились неполадки. Сели мы фактически вынужденно.

— И что авиация? Не гарантирует вылет? — Подполковник жестом пригласил его сесть у окна в мягкое кресло возле небольшого столика. — Хотите коньяку? Очень согревает.

Пока он с улыбкой разливал коньяк по рюмкам и нарезал ломтиками румяное южное яблоко, Гуров рассказал, что в аэропорту местное руководство пообещало не позднее завтрашнего дня отправить всех пассажиров другим бортом до Перми. Правда, присутствовала небольшая оговорочка — если до Суктыла не дойдет полярный холодный фронт.

После первой, собственно, и единственной рюмки Житников предложил рассмотреть другие варианты. Он вызвал каких-то Прохоренко и Завьялова, вопросительно посмотрел на Гурова и, уловив отказ, убрал бутылку коньяка в шкафчик. Пока закипала вода в электрическом чайнике, в кабинет шумно ввалились трое офицеров: грузный майор с веселым добродушными лицом, суровый капитан и молодой лейтенант с румяными юношескими щеками, которые красноречиво говорили о том, что эти погоны он надел, самое раннее, в этом году.

Майор Прохоренко жизнерадостно пожал столичному полковнику руку и заверил, что, доехав междугородным автобусом до Сосногорска, а это каких-то триста километров на запад, Гуров вполне успеет пересесть на поезд до Сыктывкара. А уж из Сыктывкара есть прямой рейс до Москвы.

Согревшись от коньяка, Лев благодушно стал благодарить за прием и просить содействия в приобретении билета на автобус, если вдруг все дело упрется в «бронь» при отсутствии в кассе билетов, а заодно и запросить по телефону линейный отдел полиции в Сосногорске...

И тут капитан Завьялов с каменным выражением лица объявил, что товарищ полковник крепко застрял. Дорога до Сосногорска уже в прошлом году была в таком состоянии, что автобусы по ней ходили с огромным трудом и опозданием. Сегодня автобус из Сосногорска так и не пришел, потому что он, капитан Завьялов, ждал своего сотрудника именно этим автобусом и собственноручно наводил справки. Если автобус все же придет и попытается двинуться в обратный путь до Сосногорска, то неизвестно, когда товарищ полковник доберется до железнодорожного вокзала, если вообще доберется... По крайней мере, сегодня всех пассажиров вернули в Сосногорск.

— И что? — нахмурился Гуров. — Из ваших мест обратиться нереально, несмотря на то, что на улице давно уже двадцать первый век?

— Если вы настаиваете, товарищ полковник, — заговорил Житников, и по его лицу было件нятно, что его самого

это предложение не радует, — если настаиваете, то я могу отправить вас в Сосногорск на служебной машине. Надеюсь, при следующей проверке меня не взгреют за такой перерасход лимита бензина. Заболжите словечко? Все-таки триста с небольшим километров, а на такой дороге расход будет процентов на тридцать больше.

Пока подполковник выдавал эту пространную тираду, Гуров услышал краем уха, как майор Прохоренко громко шептал лейтенанту:

— Это он зря, конечно... все-таки полковник из МВД, из центрального аппарата... потом проблем не оберешься... чего тут о бензине беспокоиться...

— Ладно, товарищи, — решительно хлопнул себя ладонью по колену Лев и поднялся с кресла. — Не надо наживать из-за меня проблем. Я просто хотел узнать побольше о возможностях выбраться отсюда поскорее. Нет, значит, буду ждать самолета с другими пассажирами.

— У нас тут есть своя ведомственная гостиница, — не очень уверенно начал Житников.

— Товарищ подполковник, — вдруг обнаружил высокий юношеский голос лейтенант, — а если мы товарища полковника отправим через мое Белореченское?

— В смысле? — не понял Житников, а Гуров с интересом посмотрел на парня.

— В смысле, если я возьму товарища полковника с собой. Сегодня приходит дрезина с почтой и продуктами для магазина. А вечером она идет назад. Оттуда час лета до Перми, а там уже и цивилизация. Товарищ полковник еще сегодня успеет вылететь в Москву.

Идея Гурову понравилась, хотя не все нюансы были понятны. Но главное, что манило согласиться, — ключевые слова: «еще сегодня», «вылететь в Москву».

— Что за дрезина и куда она поедет? — спросил он.

— Понимаете, товарищ полковник, к нам в Белореченское ведет одна автомобильная дорога, но она настолько разбитая, что снабжение наладилось как-то само собой через соседний райцентр. С почтой понятно, она в своем

ведомстве все внутри решило, и почту к нам через соседний райцентр отправляют, а вот бизнес был налажен изначально с соседним районом. Туда хоть и дальше, почти сто восемьдесят километров, но по железной дороге быстрее получается. Вот поэтому и магазин был от соседей, и снабжение тоже.

— А электрички нет?

— Так ветка же конечная, — улыбнулся лейтенант, — она строилась только для обеспечения горнодобытчиков. А по пути к нам с той стороны нет никаких поселков. Хорошо еще, мотодрезина курсирует. Это типа маленького маневрового тепловозика, только оснащенного карбюраторным двигателем, с площадкой и большой кабиной. На таких обычно ремонтные бригады возят.

— Что-то у тебя сегодня сумка маловата, — пробасил железнодорожник с обвислыми прокуренными усами.

— Так писать у вас стало некому, Василич, — с мягкой улыбкой ответила женщина-почтальон, сидевшая у окна в кабине дрезины. — Совсем поселок обезлюдел.

— А это тебе кто? — кивнул железнодорожник на мужчину, курившего на открытой площадке вместе с помощником машиниста.

— Племянник мой, Пашка. Ты забыл его, что ли?

— Пашка? Бочкин? Изменился на городских харчах, — засмеялся в седые усы машинист. — Вроде раньше худошавым парнем был. Шустрым таким, бойким. А сейчас и не узнать. Солидный. Городской.

Дрезина, которая до этого шла с ровным гулом, постукивая только на стыках рельс, вдруг задергалась. Мотор стал работать с какими-то перебоями. Машинист тихо выругался и отвернулся от почтальонши. В кабину тут же вбежал помощник машиниста Леша Штыков. Молодой, с оттопыренными ушами и вечной улыбкой на лице.

— Че такое, дядь Саш? Опять карбюратор?

— Какой там карбюратор, свечи забрызгало опять! Доездили мы этот движок до ручки! Не тянет совсем...

— До поселка-то хоть доедем, — забеспокоилась почтальонша, — а, Александр Васильевич? Осталось-то совсем немного.

— До поселка дотянем, — угрюмо ответил машинист. — А вот как ты, Ольга Ивановна, назад добираться будешь, ума не приложу.

— А что, совсем плохо дело?

— Не знаю, не знаю, — покачал он головой и кивнул на улыбающегося Лешку: — Вон, мастер у нас с золотыми руками. Руки-то золотые, да растут не из того места.

Поселок появился, как всегда, неожиданно. Последний поворот железнодорожного полотна, и впереди по ходу поезда возникла, как маяк на берегу, покосившаяся прожекторная мачта. Последняя из десятка, которая избежала несчастной участи, остальные рухнули в период безвременья и бесхозности, были порезаны и сданы во Вторчермет.

Мотодрезина, тарахтя на малых оборотах и чадя черным дымом, подползла к деревянным старым воротам бывшего железнодорожного депо, некогда принадлежавшего карьерному хозяйству. Машинист коротко посигналил, потом дал знак Лешке, и тот, ловко соскочив на землю, побежал к воротам.

Ольга Ивановна с помощью молчаливого племянника спустилась на насыпь, помогла ему надеть на плечо свою тяжелую сумку, и оба двинулись по краю насыпи к крайним домикам поселка. Встречавшиеся изредка на пути женщины и старики здоровались, с интересом оглядывали племянника, расспрашивали о новостях. Кто-то спешил к дому за очками. Ольга Ивановна привозила в поселок еще и пенсии.

— Аня, — остановилась она у большого дома в центре пыльной улицы, — как поживаешь, подруга?

— Ой, Оля! — Женщина всплеснула руками и двинулась к калитке, вытирая на ходу руки о передник. — Что-то ты припозднилась сегодня. Здравствуй, Паша! Никак погостить приехал?